

Сы Юэ застыл, словно мраморное изваяние. Он сидел, опустив голову, и чувствовал, как хвостовой плавник тритона небрежно похлопывает его по ступням. Кожа на подъеме стопы пронизана нервными окончаниями, и сейчас каждое прикосновение отдавалось в мозгу вспышкой.

Ледяные, скользкие, тонкие, но гибкие кости внутри плавника.

Бай Цзянь знал, кто он такой. Если не брать в расчет их договор, технически они были законными супругами. Но сейчас Сы Юэ волновало не это. Проблема заключалась в том, что Бай Цзянь, похоже, считал своего партнера таким же тритоном, как и он сам.

Сы Юэ вспомнил слова Бай Лу о «спаривании». Посмотрев на Бай Цзяня, он почувствовал, как в груди разгорается паника.

— Бай... Бай Цзянь, — пролепетал он. Под нежным взглядом тритона у него мороз шел по коже. — Мой хвост... он недоразвит.

— Недоразвит?

— Да, именно, — Сы Юэ начал нести полную чушь, лишь бы выкрутиться. — Поэтому я не могу сейчас трансформироваться. У меня этот порок с рождения, я не контролирую превращение.

Под столом хвост тритона обвил ноги Сы Юэ еще крепче.

— Когда сможешь?

— В следующий раз, — ляпнул Сы Юэ не подумав. Тут же осознав, что это звучит как приглашение на продолжение банкета в следующее полнолуние, он поправился: — То есть... я не знаю. Точно не знаю.

Он отвечал осторожно, не будучи уверенным, что перед ним всё еще Бай Цзянь. Тот Бай Цзянь, который сидел перед ним сейчас, явно отличался от вчерашнего. Животные инстинкты и кровь прародителя бушевали в нем, хоть и под маской внешнего спокойствия. Он узнавал Сы Юэ, но единственное, чего он хотел — это следовать зову природы.

Тритон опустил глаза, его плавники за ушами едва заметно дрогнули — он явно обдумывал правдоподобность объяснений своего партнера.

Сы Юэ сжимал вилку, пытаясь отвлечься хоть на еду, но это было бесполезно. Ни одно блюдо на этом столе не было предназначено для человеческого желудка. Даже самое тонкое щупальце осьминога было таким огромным, что человеку пришлось бы забить им весь рот, не имея возможности даже сомкнуть челюсти — ведь у людей нет таких острых клыков, как у тритонов.

Ему оставалось только наблюдать, как одно из щупалец на столе извивается, ползет к краю, падает на пол и, набравшись влаги, продолжает свой путь по ковру. Сы Юэ готов был выдрать на себе волосы от этой сюрреалистичной картины.

У прародителя по бокам хвоста, там, где он соединяется с талией, были два длинных гибких плавника, тянувшихся вдоль всей чешуйчатой части тела. Эти плавники обладали собственным сознанием: они медленно переползли с ковра на ступни Сы Юэ, заменяя собой хвост.

Сы Юэ только начал привыкать к холоду чешуи, как вдруг эти новые отростки — более мягкие и нежные — заставили его выронить вилку. Горло перехватило, одно из этих «крыльев» придавило его колени. Ресницы парня мелко дрожали, когда он прошептал:

— Бай Цзянь...

Бай Цзянь лишь мягко улыбнулся:

— А-Юэ, будь хорошим мальчиком.

Гостиная на первом этаже была полностью пропитана запахом растерзанных морских существ и тихими мольбами Сы Юэ, зажатого в объятиях прекрасного и жуткого существа. Лунный свет падал на картину «Тритон и полнолуние» в углу лестницы. В этот момент лицо тритона на холсте, обычно казавшееся добрым, выглядело пугающе жадным и удовлетворенным.

Бай Лу в пушистой пижаме и дядя Чэнь стояли в мезонине — небольшой художественной студии наверху. Сквозь круглое окно в стене они могли видеть всё, что происходит внизу.

Бай Лу хватило одного взгляда. Его ноги подкосились, и он рухнул на пол.

— Дядя Чэнь, простите... Это слишком страшно. Я боюсь.

Дядя Чэнь погладил его по голове:

— Не бойся, маленький господин. — Но сам старик с тревогой посмотрел вниз.

Бай Лу говорил шепотом — Бай Цзянь в такие моменты не терпел посторонних звуков, особенно голосов других тритонов.

— Не волнуйтесь, дядя Чэнь. Брат ничего не сделает с А-Юэ. К тому же, прятать его бесполезно — брат тогда просто разнесет этот дом по кирпичику.

Дядя Чэнь стоял в тени, сцепив руки за спиной.

— Я лишь боюсь, что господин Бай Цзянь, хоть и узнает А-Юэ, может начать относиться к нему как к тритону. Молодой господин Сы Юэ может просто не выдержать такой «заботы».

Бай Лу призадумался. Это было правдой. Физически тритоны в разы сильнее людей, а в его брате бурлят гены первородного монстра. Даже обычный тритон не всегда мог пережить «близость» с таким существом без травм. Животные следуют инстинктам: ухаживание, спаривание, размножение. Сила прародителя была сокрушительной, а А-Юэ такой маленький... как он справится?

Бай Лу снова подполз к окну и глянул вниз. На столе блестела слизь от щупалец. Пиджак Сы Юэ намок, превратившись в бесформенную тряпку. А-Юэ был прижат к краю стола, его пальцы судорожно вцепились в плавник Бай Цзяня. Его кожа сияла под луной. В эту ночь он сам был главным деликатесом для тритона.

Словно почувствовав чужой взгляд, Бай Цзянь лениво поднял веки и посмотрел в сторону мезонина. Бай Лу похолодел и резко отпрянул назад, едва не перекувырнувшись. Дядя Чэнь помог ему подняться:

— Больше не смотрите.

Бай Лу тяжело дышал, бледный как полотно.

— Жуть... Слава богу, есть А-Юэ, иначе брат бы уже поднялся сюда и разорвал меня на куски.

— Не нужно так говорить, — прошептал дворецкий. — Господин Бай Цзянь никогда бы не причинил нам вреда.

— По идее, во время атавизма он не должен терять рассудок до конца, он может себя контролировать. Но сегодня он такой злой, — запричитал Бай Лу. — Он что, подумал, что я хочу отнять у него А-Юэ? Да я бы в жизни не посмел!

— Маленький господин, нужно говорить не «не посмел бы», а «не стал бы».

— Ой, ну да, не стал бы, — покорно повторил Бай Лу.

Дядя Чэнь многозначительно добавил:

— В каком-то смысле, это к лучшему. Присутствие А-Юэ успокаивает господина. Иначе сегодня ночью во всём прибрежном районе начался бы хаос.

Бай Лу надул губы:

— Но А-Юэ придется провести с братом всю ночь... Бедный парень.

Ему было страшно даже просто смотреть на брата в таком облике. Неужели А-Юэ совсем не боится? Древние тритоны сильно отличались от современных, а из-за проклятия Бай Цзянь перенимал черты прародителя: его жестокость, непредсказуемость и зловещий облик.

В пять утра луна зашла. Дядя Чэнь, следивший за временем, включил свет. Огромная хрустальная люстра в гостиной вспыхнула, заливая всё ярким, как днем, светом.

— Всё закончилось? — Бай Лу вскочил на ноги.

Дядя Чэнь надел очки:

— Маленький господин, идите отдыхать. А я распоряжусь об уборке.

Персонал поместья, привыкший к ежемесячному безумию, действовал слаженно. Останки морских тварей со стола и пола паковали в огромные черные мешки. Мебель отодвигали, а мокрые ковры сворачивали и уносили.

Бай Цзянь нес Сы Юэ на руках наверх. Оба были насквозь мокрыми. Бай Лу, стоя у лестницы, нервно поздоровался:

— Брат... С А-Юэ всё в порядке?

— Он просто очень устал. Я отнесу его в комнату.

Сы Юэ проснулся только на следующий день после обеда. Открыв глаза, он увидел за окном золотой закат — даже облака казались пылающими слитками золота. Каждое движение давалось с трудом: руки ныли, поясница болела, а ноги... ноги просто отваливались.

У него было ощущение, что ночью он не с Бай Цзянем сидел, а попал под многотонную фуру, которая проехала по нему туда-сюда. В голове было пусто, как после перезагрузки зависшего компьютера. Теперь он понял, что Бай Цзянь имел в виду под «влиянием».

Вчера Бай Цзянь буквально вел его за собой. Заставил подойти, заставил погладить те живые плавники... А те, почувствовав его прикосновение, будто обезумели от восторга, обвили запястья и намертво прижали его к груди тритона.

Сы Юэ потер виски и нырнул обратно под одеяло. Понюхал — пахло не рыбой, а гелем для душа. Знакомый запах немного успокоил. Ладно, в конце концов, его просто вылизали — лицо, шею... Ничего по-настоящему криминального не произошло. Видимо, Бай Цзянь всё же сдерживался, иначе вчера отсутствие хвоста у Сы Юэ его бы не остановило.

Полежав еще немного и придя в себя, Сы Юэ встал. Перед зеркалом он собрался переодеться, но, увидев свои ноги, покрытые синяками и багровыми следами, застыл на месте.

— Твою ж мать, Бай Цзянь...

Синяки были везде — от кончиков пальцев на ногах до самой талии. Колени, голени — всё выглядело так, будто его пороли кнутом. Неудивительно, что ему было больно даже стоять. Это

явно дело рук того огромного хвоста и вспомогательных плавников. Особенно плавников — те вели себя просто отвратительно, пытаясь залезть даже ему в горло, пока Бай Цзянь их не оттащил.

Сы Юэ решил не надевать белую рубашку — нашел в шкафу черное худи и черные брюки, чтобы закрыться максимально. Следы на шее были не такими яркими, так что он просто решил забить. В конце концов, Бай Цзянь — жертва проклятия. Он спасал Сы Юэ, спасал его семью... Помочь ему раз в месяц — это честный обмен. Главное, чтобы без фанатизма. Пока что Сы Юэ считал, что планка допустимого не пройдена.

Растирая затекшую шею, он спустился вниз. Ковер в гостиной сменили — вместо пушистого кашемирового теперь лежал тонкий безворсовый.

Дядя Чэнь поспешил навстречу с бокалом воды:

— Вы проснулись?

Сы Юэ отпил воды и осекся:

— Дядя Чэнь, почему вы так на меня смотрите?

Взгляд старика был смесью нежности, сострадания и глубочайшего уважения.

Дворецкий принял стакан:

— Спасибо вам за вчерашнее. Обычно после полнолуния нам приходится менять восемьдесят процентов мебели в гостиной. В этот раз пострадал только ковер. Мы вам очень благодарны.

Сы Юэ: «...» — С каких это пор он стал спасителем интерьеров?

Он оглядел гостиную. Диваны за миллионы, ручная работа, картины великих мастеров, бесценные вазы и нефрит...

Сы Юэ ухмыльнулся:

— И сколько же я вам сэкономил? Может, переведете эту сумму мне на карту?

Дядя Чэнь растерялся. Он ожидал страха, слез, желания собрать чемоданы и сбежать домой. Даже любопытство должно было испариться после такого стресса... но Сы Юэ требовал кэшбэк.

— Молодой господин, я не вправе решать такие вопросы...

— Переведи, — раздался голос Бай Цзяня за их спинами. Он вышел из малой курительной комнаты, скрытой за пышной зеленью. На его лице играла легкая улыбка. — Посчитай сэкономленное по рыночной цене и переведи А-Юэ.

Сы Юэ отвел взгляд, чувствуя, как сердце пропустило удар. Он еще раз огляделся. Черт... Это же куча денег!

— Я скину номер счета, — он с готовностью вытащил телефон.

Отправив данные, Сы Юэ убрал смартфон и заметил, что Бай Цзянь не один. Он присмотрелся и удивленно моргнул:

— Профессор Фань Си?

Кругленький старичок с белой бородой и в очках, таких же круглых, как он сам, посмотрел на него со всей строгостью:

— Ты домашку сделал?

«Нашел время спрашивать про домашку!» — возмутился про себя Сы Юэ, но вслух ответил спокойно:

— Нет еще.

— Бай Цзянь в твои годы учился куда прилежнее, — ворчливо заметил профессор. Для него Сы Юэ выглядел как типичный бездельник-мажор, который только и умеет, что тратить деньги. Фань Си, всю жизнь отдавший науке, в интригах богачей не разбирался — он видел то, что на поверхности.

Сы Юэ не обиделся. Фань Си за двести, Бай Цзяню под триста — они старые знакомые, и профессор явно просто ворчит по старой памяти.

— Я буду стараться брать пример с господина Бай Цзяня, — кивнул Сы Юэ и, уловив взгляд «мужа», ушел на диван играть в приставку.

Разговор Бай Цзяня и Фань Си был тихим, к тому же они перешли на язык тритонов. Прятаться от Сы Юэ не имело смысла — он всё равно не понимал ни слова.

Вскоре с шумом спустился Бай Лу. Он перегнулся через перила и замахал рукой:

— Старик Фань Си! Добрый вечер! Поел? Поел? Поел?

Не дожидаясь ответа, он плюхнулся рядом с Сы Юэ на диван.

— Новый ковер тонковат, старый был уютнее.

Фань Си: «...»

Сы Юэ протянул Бай Лу джойстик и шепнул:

— О чем они трут?

Бай Лу наострил уши. Его лицо стало серьезным. Под выжидающим взглядом Сы Юэ он придвинулся к его уху и прошептал:

— Ни хрена не понял.

Сы Юэ: «...»

— Не смотри на меня так! — обиделся Бай Лу. — Это очень редкий диалект тритонов, его почти никто не знает.

— Ладно, «ходячая энциклопедия», — подколот его Сы Юэ. — Они что, старые друзья?

— Старик Фань Си? — Бай Лу сморщил нос. — Его предки были в той банде, что помогала прародителю устраивать хаос. Умные подонки — самые страшные. Из-за них куча тритонов пострадала. Но Фань Си тогда был мелким, как я сейчас, он не при делах. Всю жизнь искупает грехи: придумывает лекарства, делает кучу полезного, а все деньги отдает на благотворительность. Сам живет как бедняк.

Это было правдой. Профессор был в той же одежде, что и на лекции, а рукава его пиджака были затерты до дыр.

— Он сейчас какой-то проект затеял, денег не хватает. Государство выделило крохи. У нас денег куры не клюют, вот он и пришел за грантом.

Сы Юэ слушал внимательно, не забывая нажимать на кнопки в игре. Один только вчерашний ковер стоил целое состояние — богатство семьи Бай было запредельным.

Он замялся и прошептал:

— Я слышал, как помощники говорили об этом. Бай Цзянь вроде против?

— Ага, — Бай Лу захрустел чипсами. — У семьи Фань плохая репутация. Брат боится, что история столетней давности повторится, поэтому отказал. Но старик не сдастся.

Сы Юэ понимал логику Бай Цзяня. Несмотря на то, что Фань Си был его учителем, риск был слишком велик. Речь шла не об одном человеке, а о безопасности всей расы. На плечах Бай Цзяня лежала огромная ответственность.

Видя, как понурый профессор уходит, Сы Юэ стало немного грустно. Он не любил видеть стариков в таком отчаянии.

Он отложил джойстик и достал тетрадь с домашкой.

— Играй сам, мне надо уроки делать.

Бай Лу одному было скучно.

— А-Юэ, давай поболтаем о чем-нибудь интересном?

— Например? — Сы Юэ вывел заголовок: «Возможность и необходимость трансформации человека в тритона». Он считал, что в этом нет ни возможности, ни необходимости.

— Ты вчера не испугался, когда брат... ну, стал таким? — Бай Лу вчера чуть в обморок не упал, а теперь ему было дико любопытно.

Сы Юэ покосился на него. Будь Бай Лу сейчас в своем аквариуме, он бы наверняка забрызгал весь потолок от возбуждения.

— Ты видел? — Сы Юэ зацепился за смысл фразы, и ему стало не по себе.

Он прекрасно помнил, что они делали ночью. Вроде ничего такого, но мысль о том, что Бай Лу мог подглядывать, заставила его покраснеть.

— Видел, ага! Те плавники прародителя так и норовили залезть тебе... ну, туда, а ты их схватил! — Бай Лу захихикал. — И брат тебя целовал. Но почему вы в губы не целовались?

«Залезть туда»? Черт...

— В губы целуются те, кто влюблен, — буркнул Сы Юэ. — А у нас с Бай Цзянем... особые отношения. Мы жизнь друг за друга отдадим. Это круче любви.

— А, ну ладно, — Бай Лу не стал спорить. — Так тебе не было страшно? Я вот чуть не помер от страха!

— Сначала немного, — Сы Юэ крутил ручку, не зная, с чего начать эссе. — А потом привык.

Как только он понял, что Бай Цзянь его не съест, он перестал дергаться. Сопротивляться было бесполезно — он проигрывал тритону в силе, в скорости, да еще и задолжал ему две жизни и тридцать миллиардов. Даже если бы его решили съесть, он бы не пикнул. А тут просто подержали в руках пару часов.

— А-Юэ, ты такой классный! — растрогался Бай Лу. — Даже я и дядя Чэнь боимся брата в этом состоянии, а ты — нет. Ты, должно быть, безумно его любишь, раз принимаешь любым.

Бай Лу всегда считал облик прародителя уродливым. Он обнял Сы Юэ за плечи:

— Брат никогда никого не любил. Будь с ним, А-Юэ. А когда состаришься, он за тобой присмотрит и проводит в последний путь.

Сы Юэ: «...»

У них контракт на пять лет. Какая еще старость? Но объяснять это Бай Лу было бесполезно.

В тетради не прибавилось ни слова. Когда Сы Юэ уже готов был взорваться от назойливости Бай Лу, на его макушку легла теплая ладонь.

— А-Юэ, идем.

Опять малая гостиная. Сы Юэ отложил ручку и послушно пошел за «мужем».

Бай Лу проводил их взглядом, а когда дверь закрылась, засучил рукава, взял ручку и начал помогать другу с домашкой.

Сы Юэ стоял перед массивным письменным столом. В воздухе плыл аромат шалфея от аромалампы. Бай Цзянь достал из-под стола небольшой круглый аквариум на изящной деревянной подставке. Внутри были кораллы, галька, крошечные ракушки и несколько ослепительно белых рыбок. Даже глаза у них были белыми, а плавники походили на тончайшую белую вуаль.

Сы Юэ заворуженно склонился над аквариумом.

— Это мне? — Он радостно посмотрел на Бай Цзяня.

— Я подумал, тебе понравится. Ты так любишь ракушки... — Бай Цзянь улыбнулся. — Спасибо за вчерашнее.

Такая официальная благодарность? Сы Юэ выпрямился, чувствуя, как краснеют уши.

— Да ладно тебе... Мы же не чужие люди.

— Вчера я тебя не сильно напугал? — Взгляд Бай Цзяня упал на синяки на шее парня и следы от укусов. На чистом и светлом лице Сы Юэ эти отметины создавали странный эффект — он выглядел беззащитным.

«Жаль, что полнолуние только раз в месяц», — подумал тритон.

Сы Юэ покачал головой:

— Сначала было не по себе, но потом я привык.

«Потом я просто смирился со своей участью», — добавил он про себя.

— Только в следующий раз... Ты не мог бы приструнить те два плавника? — Сы Юэ указал на талию Бай Цзяня. — Они ведут себя как психи, лезут куда попало. Это напрягает.

Бай Цзянь искренне удивился и тихо рассмеялся:

— А-Юэ, ты уже думаешь о «следующем разе»?

Сы Юэ осекся.

— А разве его не будет? Полнолуние же каждый месяц. Или я тебе больше не нужен?

В его голосе прозвучала странная нотка — не то обида, не то разочарование. Будто его использовали и собираются выкинуть. В груди неприятно кольнуло.

— Будет, — мягко ответил Бай Цзянь, успокаивая его. — Просто ты такой замечательный, А-Юэ... Мне больно думать, что в следующий раз я снова могу причинить тебе такую боль.

<http://bllate.org/book/14657/1301511>